

Лингвистика как инструмент самозащиты гражданского общества (к вопросу идентификации природы общественного протеста методами лингвистического анализа коммуникационной среды)

И. А. Хоменко

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Институт журналистики, кафедра телевидения и радиовещания
Corresponding author. E-mail: khomenko_radio@ukr.net

Paper received 30.03.19; Accepted for publication 10.04.19.

<https://doi.org/10.31174/SEND-Ph2019-195VII59-05>

Аннотация. Статья посвящена проблеме применения методов лингвистики с целью изучения кризисных проявлений социальной динамики. Целью исследования является создание интеллектуальных инструментов, позволяющих отличить естественный массовый протест против социальной несправедливости от секретной операции, использующей морально оправданную реакцию общества на нарушение гражданских прав и свобод с деструктивной целью. В статье описаны конкретные проявления несоответствия реальности и ее отражения в средствах массовой коммуникации, позволяющие сделать выводы о латентном вмешательстве внешних сил в гражданский конфликт.

Ключевые слова: лингвистика, социальные коммуникации, массовый протест, эмерджентность, манипуляции.

Введение. Любое социальное явление можно рассматривать в двух измерениях: непосредственном предметно-событийном и преобразованном в коммуникационный феномен с помощью вербальных (знаковых) форм. Независимо от того, имеет ли массово распространяемая информация о событии словесный или образный аудиовизуальный характер (некомментированная on line трансляция) – роль языковых элементов в интерпретации реальности исключительно велика. Ситуативный угол зрения становится личным взглядом, а взгляды убеждениями – лишь если они сформулированы. Когда первый (экзистенциальный) и второй (коммуникационный) уровни существования социального явления в основном совпадают, а различия не выходят за рамки погрешности наблюдения и изложения – это можно рассматривать как аргумент в пользу естественности социального процесса, отсутствия признаков применения в информационном поле манипулятивных технологий. Вместе с тем достоверно и точно выявленные различия могут многое сказать исследователю о природе внешних искусственных воздействий на социальную среду. В экологии подобные воздействия, искажающие эволюцию экосистемы, называют антропогенными факторами лимита [1, с. 316]. Применительно к общественным отношениям сложно подобрать исчерпывающе точный термин такого рода. И манипуляции, и социальный инжиниринг, и специальные методы пропаганды являются лишь инструментальными составляющими общей проблемы. Однако очевидно главное: если деструктивное воздействие на гражданское общество можно осуществить через слово – то, изучая лингвистически очерченное «социальное пространство» (термин Питирима Сорокина [2]), можно общество и граждан защитить. В предлагаемой статье сказанное будет рассмотрено на примере одного из наиболее экстремальных и вместе с тем выразительных проявлений социальной динамики – общественного протеста. **Обзор публикаций** по затронутой теме мог бы стать предметом отдельного библиографического исследования. И общественный протест, и специальные операции, использующие энергию массовых акций в скрытых от манифестантов целях изучались П. Соро-

киным, П. Штомпкой, Э. Хоффером, Э. Люттваком, Ж. Эллюлем, С. Кара-Мурзой и др. **Принципиальное отличие** данной статьи от предшествующих публикаций состоит в идее использования филологического подхода для выявления признаков несоответствия декларируемой идеологии протеста его реальным задачам. Иными словами, **цель исследования** заключается в создании методологии индивидуальной защиты граждан от возможного манипулирования со стороны недружественных структур и институций – независимо от принадлежности и статуса последних. Задачи автора противоположны задачам тех исследователей, которые используют научные методы для совершенствования механизмов массового влияния. Исследование подготовлено с использованием эмпирической методологии (главным образом, мониторинговых, аналитических и полевых методов) на материале украинских и общемировых политических реалий последних лет. Результаты обсуждались на международных научных конференциях («Modern scientific researches and developments : theoretical value and practical results», Bratislava, Slovak Republic, 2016, «Мова. Суспільство. Журналістика», Київ, 2016; «Стылістыка: мова, маўленне і тэкст», Рэспубліка Беларусь, 2017 и др).

Естественное право на протест является одной из фундаментальных и неотчуждаемых норм европейской цивилизации. Аксиологически оно не менее значимо, чем право меньшинства не быть подавленным большинством, свобода совести и свобода слова. Упоминание о протесте как крайней вынужденной мере борьбы против тирании и угнетения содержится в основополагающем международном документе ООН – «Всеобщей декларации прав человека» (“*The Universal Declaration of Human Rights*” [3]). Оно имеет как юридические, так и научные обоснования. Еще Карл Поппер доказал, что попытки поместить человеческое сообщество в координатную систему неверно интерпретированного платонизма (утопии, где свобода принесена в жертву порядку) приводят к катастрофическим последствиям (см.: [4]).

Вместе с тем – современная политическая ситуация отличается от реалий тех лет, когда социальный про-

тест и реакция на него соотносились как однозначные и легко дифференцируемые противоположности. Независимо от моральной и правовой обоснованности этих явлений, выбирающий свое место по ту или иную сторону баррикад раньше мог быть твердо уверен в принадлежности сил, к которым он присоединился. Конечно, провокации, операции «под чужим флагом», тактическое использование лозунгов противника имели место всегда. Достаточно вспомнить специальные операции французского политического сыска времен Регентства [5] или российский «полицейский социализм» Зубатова [6]. Но коммуникационные возможности информационного общества, умноженные на силу мультимедийных технологий, породили новые риски, связанные с созданием симулякров оппозиционных движений. Появились широкие возможности использования резистанса как социальной фикции, направленной на самоуничтожение протестной среды (а в особо опасных случаях – на депопуляцию и утрату территориальной целостности страны). Историкам секретных служб хорошо известны политические и моральные последствия масштабных долговременных спецопераций времен «холодной войны», таких, как «Пересмешник» (“*Operation Mockingbird*”) или секретной программы “*COINTELPRO*”. Особенностью их было применение военных уловок, разведывательных и контрразведывательных технологий против гражданских лиц, использование стратагем в духе Сунь Цзы для решения задач социального инжиниринга. Стоит вспомнить в контексте сказанного свержение Президента Чили Сальвадора Альенде, на ослабление позиции которого накануне путча Аугусто Пиночета работало одновременно два разноректорных симулякра общественных движений – правого и левого толка (одно создавало экономический хаос, второе – дискредитировало власть, исповедующую левые идеи, экстремистскими радикальными лозунгами и провокациями, см. об этом [7]). Но, очевидно, только в начале третьего тысячелетия социально-коммуникативная составляющая стала не дополнительным условием, а доминантой военных акций. Мечта академика Д. Лихачева о XXI веке как эпохе гуманитарной культуры, перекликающаяся с мыслями К. Леви-Стросса, реализовалась в виде концепций гибридных войн и войн нового типа. Использование социальных технологий как инструмента агрессии стало еще одним подтверждением общеизвестной мысли, что любое знание, как естественнонаучного, так и гуманитарного характера, может быть использовано во зло.

Распознать подобные стратегии не просто. Зачастую такая задача превосходит возможности как обычных граждан, так и проинформированных специалистов. Ведь ее элементами являются не только дезинформация, направленная против обычных людей, но и перехват управления структурами, предназначенными для защиты общества от действий такого рода. По многим признакам специальная операция, замаскированная под естественный гражданский протест, напоминает государственный переворот в латентной фазе, описанный Э. Люттваком [8]. Но, в отличие от государственного переворота, она не разворачивается скрытно, а встраивается в масштабные, зри-

мые действия, втягивают в свою орбиту множество субъективно честных и социально ответственных лиц. Данные, изложенные в этой статье, едва ли помогут идентифицировать природу воздействующих на общество операторов. Да они могут и не представлять собою единую силу. Спецслужбы играют не только с обычными гражданами, но и друг с другом. Тактика «убийства чужим ножом» [9], использования энергии неприятеля для его поражения, провоцирование противника на развертывание акции, выгоду из которой в конечном счете извлечет вовсе не он, являются азами тайной войны. Особенную опасность для социума они начинают представлять, когда распространяются на массу неподготовленных людей. Используя естественные чувства сострадания и справедливости, присутствующие законопослушным гражданам, провоцируют их на роль живого щита, тарана для столкновения с полицейскими силами (тоже не проинформированными об истинной природе происходящего), мишени для неустановленных снайперов (ложная идентификация которых тоже может быть заранее спланированной частью спецоперации). Лицам, вовлеченным в события, но не обладающим инсайдерской (скрываемой от них) информацией о происходящем, да еще и пребывающим в условиях стрессового обрушения критичности восприятия – едва ли удастся сходу разобраться в истоках того, что планировалось профессионально, долго и тщательно. Но, как было сказано выше, цель публикации – менее глобальна. Автор видит свою научную задачу в попытке создать общедоступный интеллектуальный инструментарий, позволяющий отличить массовый протест от специальной операции, маскирующейся под естественное социальное явление. И на почве этого знания – принять решение о моральной обоснованности личного участия или неучастия в происходящем. Проблема соотносительности политико-экономических причин, приводящих к «гибридной войне» с формами, в которых «гибридная война» реализуется, отчасти уже затрагивалась автором на страницах журнала «Science and Education a new Dimension: Humanities and Social Sciences»[10]. Общие вопросы дифференциации специальных операций и естественных проявлений гражданского неповиновения – изучены им в исследовании «Як відрізнити стихійний масовий протест від спеціальної операції? (До проблеми оперативного аналізу прихованих складників кризових подій)», принятом к печати в журнале «Sciences of Europe». Настоящая статья носит более специализированный характер. Это взгляд филолога на возможность прийти к верифицированным выводам о природе массового протеста, соотнеся лингвистическое отображение событий с их натурными, полевыми реалиями.

Будем исходить из принципа эмерджентности. Примем как данность, что явление протеста, рассмотренное в диахроническом и синхроническом аспектах (со всеми предшествовавшими ему событиями, причинами и следствиями) и языковое (вербальное) выражение протеста представляют собой единую гиперкомплексную систему. Тогда нарушения внутрисистемной иерархии, разрыв или изначальное отсутствие связей между ее элементами – могут оказаться признаками того, что сложившееся или искусственно

сформированное для нас представление об этой системе иллюзорно. Либо налицо различные, нерелевантные явления, по не установленной причине ошибочно объединяемые в общность, либо мы столкнулись лишь с отображаемой, доступной частью происходящего, с подсистемой, включенной в систему более высокого уровня, как целостность в коммуникационном пространстве не представленную и наблюдению не доступную.

Рассмотрим некоторые возможные проявления таких несоответствий, являющихся признаками скрывающегося за чередой событий замысла.

- Несоответствие формы протеста его содержанию. Как и любое явление, будь то физический процесс, общественное движение, текст, протесту присуще эмерджентное единство формы и содержания. Понятно, что форма одного явления принадлежать другому, содержательно от него отличному, не может. Поэтому если во внутреннем пространстве протеста появляются лозунги и рождаются действия, не соответствующие его изначально декларируемой сути, скорее всего, налицо не просто конфликт между участниками массовых акций, а нечто иное, использующее энергию гражданского неповиновения в собственных целях. Так, например, если символами мирного противостояния избираются участники вооруженной национально-освободительной борьбы прошлого, а исторические персонажи – герои и мученики настоящего ненасильственного сопротивления – выводятся за рамки новой протестной идеологии, значит, не исключено, события разворачиваются под внешним управлением и по плану, предполагающему цели, отличающиеся от публичных заявлений. То же можно сказать о событиях, презентуемых как революция, но лишенных собственно революционного смысла (признаков, соответствующих переходу на качественно новую ступень общественного развития). Обоснованные сомнения вызывает природа массового протеста, толчком к которому стало стремление людей к социальной справедливости – при том, что консолидирующая идея социальной справедливости с его трибун вообще не упоминается. То же можно сказать о выступлениях в поддержку либеральных ценностей (ассоциирующихся с евроинтеграцией), но осуществляемых якобы радикалами-антиглобалистами. С точки зрения лингвиста подобный метод поиска скрытых противоречий в коммуникационном пространстве сводится к семантическому и компаративному анализу информационного сопровождения массовых акций. Эффективность метода была подтверждена эмпирически в процессе выявления подлинных причин политических репрессивных кампаний тридцатых годов XX в. (см.: [11]), но и к настоящему он вполне применим.

- Несоответствие развития событий ретроспективному медиаконтексту. Хотя революции часто начинаются спонтанно и неожиданно даже для собственных вождей, революционную ситуацию, приводящую к социальному взрыву, нельзя не заметить (см.: [12]). Факты существования революционной оппозиции, эмиграции и даже подполья не являются ни для кого тайной, цель грядущих изменений не скрывается. Напротив, революционная пропаганда стремится завоевать как можно больше сторонников. Специальная

операция разворачивается по иным законам. Ее агентура действует в тени, ресурсная база и планы засекречены. В спецоперациях, являющихся частью гибридной войны, могут быть задействованы фейковые вожди и фиктивные политические силы. Но, поскольку риск раскрытия агентуры такого рода велик, а расконспирация ее может привести план к провалу, обычно реальные организаторы и кураторы симулякра революции остаются в зоне неочевидности. В этом смысле известные сомнения вызывают трактовки массовых протестов, происходивших в некоторых странах как «восстаний без цели» [13] и «революций без лидера» [14]. Возможно, что и цель, и лидеры (операторы) существовали, но не были распознаны как таковые, идентифицированы. Допустим, существующая власть непопулярна и даже преступна. Вместе с тем в информационном пространстве ничто не наводит на мысли о возможности массовых выступлений. Признаки существования силы, способной объединить людей вокруг общего дела, не проявляются. Оппозиция скомпрометирована участием в тех же теневых схемах, что и руководство страны. Революционные настроения в коммуникационной среде представлены лишь критикой власти, разоблачениями коррупции и общими утверждениями, что дальше так жить нельзя. Но внезапный взрыв общественного негодования оказывается организованным, управляемым, продуманным на уровне тактики и логистики. Для ученого-филолога такое сочетание несочетаемого дает основания перечитать старые газеты, осуществить интернет-мониторинг. Сопоставив лингвистическое отражение текущих и прежних событий, он, скорее всего, выявит пустое, не обозначенное четкими словесными формулировками условное пространство, связывающее настоящее и прошлое. Скрытый от рядовых участников центр планирования и координации происходящего.

- Отсутствие четкой интегральной идеи, осмысленной и осознанной интеллектуальной платформы протеста. Реальнее восстание не может не опираться на идеологию. Тем оно и отличается от эвентуального эксцесса – например, спонтанной массовой реакции на явную несправедливость – что объединяет людей, знающих, что и зачем они делают, объединившихся ради достижения понятной цели. Она может быть более или менее радикальной, удачной или неудачной, безупречной или сомнительной в этическом смысле – но ее не может не быть вовсе. Что бы ни послужило толчком, конкретным поводом для массовых акций гражданского неповиновения – подлинная причина их все равно будет сопряжена с намерениями и устремлениями, а следовательно и действиями восставших. Поэтому идеология восстания будет распространяться в максимально доступных, понятных и убедительных формах. Спецоперация развивается по своим правилам, отличным от эволюционных закономерностей естественного социального процесса. Ее слоганы могут совершенно не соответствовать намерениям планировщиков. Если задачей специальной акции является вовлечение «втемную» большого числа людей – то вместо пусть даже спорной и для многих неприемлемой, но целостной революционной идеи ее исполнители постараются использовать ши-

рокий спектр идеологием, не сводимых в единую систему и потому приемлемых в той или иной степени для каждого. Организованы они будут по принципу тизерной рекламы – со значительными смысловыми пустотами, которые каждый заполнит в меру собственных надежд и представлений о справедливости. Эклектичная смесь из правых и левых клише, легко адаптирующаяся под взгляды и убеждения конкретных групп участников, сознательно будет рассчитана на то, чтобы вызывать удобные для организаторов ошибки атрибуции и эффект ложного консенсуса. Широко будут использоваться факторы морального давления («если не ты, то кто») и эффект фиктивного ярлыка (создания ложных символов борьбы). Лингвисты легко смогут выделить маркеры подобного рода несоответствий, используя мониторинговые и аналитические методики.

- Существует ли достоверная информация относительно лидеров и реальных руководителей восстания? Реальные политические вожди – в данном случае неважно, военного сопротивления, как Мадзини и Гарибальди, или мирного, как Ганди – являются фигурами публичными. На свободе или в тюрьме, в эмиграции или на нелегальном положении – но именно они придают идеям сопротивления действительную силу, являются духовными лидерами общественных движений. По ряду причин симулякр массового протеста, осуществляемый спецслужбами, гораздо проще реализовать путем управления из тени. Важнейшая из них заключается в том, что расконспирация фиктивных вождей и разоблачение фальшивых партийных образцов может нанести, говоря словами древнекитайских стратегов, удар по замыслам (см.: [15]) в критически неподходящий момент. Так, вещание нацистской радиостанции «Старая гвардия Ленина» («Конкордия V»), имитировавшей рупор коммунистических сил, оппозиционных Сталину, было прекращено после публикации в шведских газетах сведений о реальной принадлежности передатчика [16]. Поэтому легко узнаваемой особенностью спецоперации является анонимность реальных сил управления, создание иллюзии, будто ключевые события происходят сами собой и выдвигание на первый план представителей оппозиции, которые на деле не влияют на осуществление стратегических планов. Внешним признакам подобной манипуляции можно посвятить отдельную статью. Но все они, от очевидной несостоятельности переговоров, осуществляемых с участием подобных лиц между властью и манифестантами, до нелепых заявлений вроде готовности получить «пулю в лоб» за правое дело (при реальном отсутствии в тех местах, где стреляют) – могут быть точно и доказательно определены методами лингвистического исследования информационного пространства.

- Присутствуют ли в происходящем составляющие, рассчитанные на обрушение порога критичности восприятия событий? Использование шокового контента является давно и хорошо известным инструментом воздействия на массовое сознание. Пионером в изучении его был американский социолог Х. Кэнтрил [17], чья группа исследовала в 1938 году последствия так называемой «радиопаники». Особенно эффективен шоковый контент в условиях цейтнота, необхо-

димости мгновенного принятия существенных решений. Стрессообразующие события вовсе не обязательно присутствуют в ландшафте естественного социального протеста (особенно мирного). И крайне редко они организовываются сами собой в соответствии с канонами Аристотелевой поэтики, по принципам драматургии. Любое естественное явление небогато на события, напоминающие кинотриллер. Если же подобные вещи происходят регулярно, а в возникновении, равно как и освещении их медиа угадывается планомерность, скрытая целесообразность – есть смысл попытаться выделить общие смыслообразующие элементы таких событий и выявить присущие им закономерности. Задача эта соответствует компетентности не только лингвистов, но и для литературоведов, она может потребовать владения методом позиционного анализа. Интересен в этом смысле опыт создателей так называемой украинской «Белой книги» (группы экспертов под руководством Д. Золотухина), выделивших в нескольких внешне различных сценариях спецпропаганды общие черты, присущие драматургии телесериалов [18]. Подобного рода исследовательский принцип может быть применен и к шоковому контенту, присутствующему в освещении массовых протестов.

- Насколько соответствует течение событий его отражению в средствах массовой коммуникации? Информационному сопровождению спецопераций, замаскированных под массовый протест, присущ ряд особых свойств, вполне доступных изучению. Прежде всего, это одновременное использование контролируемых организаторами провластных и оппозиционных (революционных) медиаресурсов. Характерологическим признаком такого использования является наличие общих для тех и других «зон умолчания», лакун, касающихся событий и явлений, способных повредить замыслу. Таковыми могут быть, например, проявления человечности со стороны тех, кому приписывают исключительно негативные свойства, интернационализма со стороны лиц, позиционирующихся как носители национального радикализма и т. д. В зону умолчания попадает все, что разрушает создаваемый конструкт, искусственную картину реальности. И если, как было сказано выше, зоны эти у разноректорных сил совпадают – значит, не исключено, что они находятся под общим внешним управлением. Другими признаками спецоперации могут быть: утечки информации; ошибки в освещении протеста, указывающие на информированность авторов не о текущих, а о планируемых событиях; использование в репортажных и блогерских материалах специальных средств информационного воздействия, применяемых в рекламе, PR – деятельности и для журналиста (блогера) лишних; создание сообщений, цель которых противоположна декларируемой задаче, например, применение под видом интегративной пропаганды (скажем, направленной на консолидацию национально сознательных сил) – пропаганды разделяющей (отталкивающей колеблющихся потенциальных сторонников); наличие лексических единиц, оборотов речи и паравербальных выразительных средств в медиаконтенте, выдающих принадлежность автора вовсе не к той лингвокультурной и социальной среде, за представи-

теля которой он себя выдает; подавление альтернативных точек зрения «информационным илом» (термин Н. Винера); продуцирование сообщений, рассчитанных на принципиально различный отклик у носителей разных культур и потому уничтожающих почву для возможного диалога. Несоответствие первой (событийной) и второй (информационной) реальности является одним из выразительных признаков спецоперации.

- Присутствуют ли в идеологии, лозунгах, призывах протеста латентные «логические бомбы» - внешне привлекательные символы, связанные с малоизвестными негативными явлениями и скомпрометированными деятелями прошлого? Существует немало опасных сил и преступных исторических персонажей, декларировавших свои намерения во вполне приемлемых с точки зрения общечеловеческой морали формах. Идентифицировать принадлежность лозунгов, цитат, изображений, связанных с ними, зачастую возможно, лишь обладая узкоспециальными знаниями, как исторического, так и лингвистического характера. Случайное совпадение подобного символа с элементом символики современной массовой акции не исключено. Но если вся базовая система самопрезентации протеста, его призывы и слоганы основаны на потенциально дискредитированной сумме идей, на принципах, латентно неприемлемых и для участников резистанса, и для их сторонников – это вынуждает задуматься о подлинных целях происходящего. Дальнейшее развитие событий предсказуемо: внезапное обнаружение негативной информации об упомянутых символах после того, как они станут частью образа мыслей манифестантов и неотъемлемой частью образа протестного движения.

- Существуют ли в информационной среде сведения о непонятных и тревожных явлениях, связанных с армией, полицией, полувоенными формированиями? Есть ли основания предполагать, что протест каким-то образом повлияет на характер и процедуру осуществления выборов? Любая специальная операция предполагает запасные варианты на случай неудачи с основным планом. Жизнь показала, что для современных секретных служб не существует табу. При соответствующем уровне подготовки и ресурсной базе они способны на перехват управления чужими административными структурами (включая военные) и на внедрение в вооруженные силы противника агентуры, которая с тактической целью будет совершать военные преступления, убивать своих сограждан. Они вполне способны влиять на ход избирательных кампаний сверхдержав и обеспечивать в странах более уязвимых продвижение к власти сразу нескольких претендентов на высший государственный пост, имиджево различных, но на деле связанных с одним и тем же центром влияния. Доказать подобного рода вмешательство методами частного расследования едва ли возможно. Но выявить в информационной сфере косвенные признаки, свидетельствующие о подобном – ученые могут.

Приведенные маркеры спецоперации, маскирующейся под общественный протест, не очерчивают полной мерой совокупность применяемых в войнах нового типа инструментов агрессии. Но сам по себе метод противопоставления деструктивным секретным стратегиям научных приемов мышления, проблема статьи, сводящаяся к обоснованию уязвимости (если не беззащитности) гражданского общества перед технологиями гибридных войн и цель ее, заключающаяся в формировании научно обоснованных способов гражданской защиты на индивидуальном, а не институциональном уровне (подобный подход, к слову, был присущ широко известному социальному исследователю Дж. Овертону, см. [19]) возможно, заинтересуют других ученых, послужат толчком для создания более полных и результативных исследований на эту тему.

Автор далек от наивной веры в способность гражданских лиц поодиночке противостоять стратегическим планам иностранных спецслужб, способных на инфильтрацию своей агентуры во все государственные учреждения и общественные движения соседних стран. Он даже не уверен в возможности своевременной идентификации сил, участвующих в имитации протестных движений. В мире, где столкновение интересов, связанное с появлением новых возможностей добычи углеводородного топлива (см. [10]) приводит к небывалому разжиганию вражды и военному конфликту, в мире, где секретные службы разных стран дезинформируют одна другую, обманом провоцируют противника на действия по созданию очагов протестных движений – а потом встраиваются в чужую комбинацию и используют энергию протеста в собственных целях, даже профессиональному политику, военному или контрразведчику не всегда удается разобрататься во всех аспектах происходящего. Но любой гражданин может понять, восстание или его симулякр разворачивается у него на глазах – на основании лингвистического анализа источников открытого доступа и сопоставления результатов с собственными полевыми наблюдениями. Очевидно, лишь исходя из этого понимания, есть смысл принимать решение о личном участии или неучастии в происходящем.

Выводы.

1. Безопасность гражданского общества во многом зависит от уровня развития гуманитарных областей науки и способности последних доказательно изучать информационное пространство.

2. Выявив методами лингвистического исследования несоответствия между предметно-событийной реальностью и ее отражением в коммуникационной сфере, можно получить социально значимые прикладные результаты, ценность которых не будет определяться критериями чисто гносеологического характера.

3. Изучение этимологии кризисных социальных явлений в определенных обстоятельствах может оказаться не менее важным, чем исследования в области медицины катастроф, эпидемиологии, прогнозирования природных катаклизмов и других сферах, связанных с защитой жизни и благосостояния людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Одум Юджин. Экология: В 2-х т. Т. 1. Пер. с англ. - Москва, Мир, 1986. - 328 с.
2. Сорокин Питирим. Социология революции // Сорокин Питирим. Человек. Цивилизация. Общество. Web: <http://www.socd.univ.kiev.ua/sites/default/files/library/elcloses/sorokin.pdf>.
3. Web: [https://undocs.org/en/A/RES/217\(III\)](https://undocs.org/en/A/RES/217(III))
4. Поппер Карл. Відкрите суспільство та його вороги // Твори : в 2 т. — К. : Вид-во «Основа», 1994. — Т. 1. — 1994. — 494 с.
5. Робер-Жан Лонге, Георгий Зильбер. Террористы и охранка. Провокаторы и правящие. Москва: Советская Россия, 1991. - 208 с. Web: <https://avidreaders.ru/download/terroristy-i-ohranka.html?f=fb2>
6. Зубатов Сергей Васильевич. Письмо в "Вестник Европы" // "Вестник Европы", том II, март 1906 г. - с. 432—436. - Web: http://www.hrono.ru/libris/lib_z/zubатов_vestnik.php
7. Атиас Гильермо . Против течения: пер. с испанского Юрия Павлова // Иностранная литература . - 1978 . - №1 . - с. 3-53.
8. Люттвак Эдвард Н. Государственный переворот: практическое пособие. Пер. с англ. Платошкина Н. Н. - М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. - 326 с.
9. Зенгер Харро фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Том 1. - М.: Изд-во Эксмо, 2004. - 512 с. - Web: <http://chugreev.ru/stratagem/3.html>
10. Хоменко Илья. Границы возможного: о категориях достоверности и объективности журналистского расследования // Science and Education a new Dimension: Humanities and Social Sciences. 2016, IV (13), № 82. p. 44–49.
11. Хоменко Илья. Наукові аргументи чи оцінні судження? (Проблеми використання системних методів і лінгвістичного аналізу для вивчення історії української радіодрами) // Стиль і текст. 2011. Вип. 12. С. 19–25.
12. Штомпка Петр. Социология социальных изменений. Пер с англ, под ред. В.А.Ядова.— М.: Аспект Пресс, 1996. — 416 с.
13. Transcript of "The Betrayal by Technology: A Portrait of Jacques Ellul". Interview by Jan van Boeckel and Karin van der Molen, 1992, ReRun Productions. - Web: <http://www.naturearteducation.org/R/Artikelen/Betrayal.htm>
14. Почепцов Георгий. Модель пропаганды ЖакаЭллюля. - Web: https://ms.detector.media/ethics/manipulation/model_propagandy_zhaka_ellyulya/
15. Сунь Цзы. Искусство войны. Web: <http://masters.donntu.org/2014/fknt/kebikov/library/article9.pdf>
16. Абаринов Владимир. Из Берлина по-русски. Web: <https://www.svoboda.org/a/28645519.html>
17. Cantril H. The Invasion from Mars: A Study in the Psychology of Panic / Hadley Cantril. — Transaction Publishers, U.S., 2005. — 256 p. — [Illustrations].
18. Золотухин Д. Ю. Біла книга спеціальних інформаційних операцій проти України 2014-2018. – Київ, 2018. – 384 с., іл.
19. Joseph P. Overton. Mr. Smith Is in Washington. Web: <https://www.mackinac.org/4116>

REFERENCES

1. Eugene P. Odum. Basic Ecology. Moscow: Mir, 1986, Vol.1., 328 p.
2. Sorokin Pitirim. Person. Civilization. Society. Web: <http://www.socd.univ.kiev.ua/sites/default/files/library/elcloses/sorokin.pdf>.
3. Web: [https://undocs.org/en/A/RES/217\(III\)](https://undocs.org/en/A/RES/217(III))
4. Popper Karl Raimund. The Open Society and Its Enemies. Kyiv, Osnova, 1994, Vol.1., 494 p.
5. Robert-Jean Longuet, Georgi Zilber. Terrorists and the security. Provocateurs and ruling. Moscow: Sovietskaya Russia, 1991. - 208 p.
6. Zubatov Sergey Vasilyevich. Letter to the "Bulletin of Europe" // "Bulletin of Europe", Volume II, March 1906 - p. 432-436. Web: http://www.hrono.ru/libris/lib_z/zubатов_vestnik.php
7. Atias Guillermo. Against the current: transl. from Spanish by Yuri Pavlov // Inostrannaya literatura. - 1978 . - №1 . - p. 3-53.
8. Luttwak Edward Nicolae. Coup d'État: A Practical Handbook. Translation from English Platoshkina N.N. - Moscow :Russkiy fond sodeystviya obrazzvaniyu i nauke, 2015. - 326 p.
9. Senger Harro von. Stratagem. About Chinese art of living and surviving. Volume 1. - M. : Izd-vo Eksmo, 2004. - 512 p. - Web: <http://chugreev.ru/stratagem/3.html>
10. Khomenko Ilya. The boundaries of the possible: on the categories of credibility and objectivity of journalistic investigation // Science and Education a new Dimension: Humanities and Social Sciences. 2016, IV (13), No. 82. p. 44–49.
11. Khomenko Ilya Scientific arguments or judgments? (Problems of using systematic methods and linguistic analysis to study the history of Ukrainian radio) // Styl i text. 2011. Vol. 12. P. 19-25.
12. Sztompka Piotr The sociology of social change. Translated from English, ed. V.A. Yadova.– Moscow: Aspect Press, 1996. - 416 p.
14. Pocheptsov George. Propaganda Model by Jacques Ellul. - Web: https://ms.detector.media/ethics/manipulation/model_propagandy_zhaka_ellyulya/
15. Sun Tzu. The Art of War. Web: <http://masters.donntu.org/2014/fknt/kebikov/library/article9.pdf>
16. Abarinov Vladimir. From Berlin in Russian. Web: <https://www.svoboda.org/a/28645519.html>
18. Zolotukhin D. Y. White Book of Special Information Operations Against Ukraine 2014-2018. - Kyiv, 2018. - 384 с., Ill.

Linguistics as a tool for self-defense of civil society (to the question of identifying the nature of public protest by methods of linguistic analysis of the communication environment)

I. A. Khomenko

Abstract. The article is devoted to the problem of using linguistic methods in order to study the crisis manifestations of social dynamics. The aim of the study is to create intelligent tools that allow to distinguish a natural mass protest against social injustice from a secret operation, using a morally justified public reaction to the violation of civil rights and freedoms with a destructive purpose. The article describes the specific manifestations of inconsistencies of reality and its reflection in the media, allowing to draw conclusions about the latent intervention of external forces in civil conflict.

Keywords: linguistics, social communications, mass protest, emergence, manipulation.